

П. К. АНОХИН

Несколько эпизодов из моих встреч и бесед с И. П. Павловым

Личность И. П. Павлова столь многогранна, а его блестящий ум столь обширен и красочен, что каждая встреча с ним обогащала новыми мыслями, служила стимулом к дальнейшему совершенствованию в науке и жизни. Трудно поэтому мне, как и любому из его учеников, на протяжении многих лет находившемуся с ним в непосредственном общении, выбрать наиболее сильное впечатление или наиболее содержательную беседу. Беседы с ним об общих вопросах физиологии, о текущих опытах, его непосредственное участие в эксперименте — все это каждый раз оставляло неизгладимое впечатление. Еще более памятливы те беседы, в которых затрагивались общие вопросы жизни и творчества ученого. И поэтому сейчас я коснусь лишь некоторых коротких бесед с Иваном Петровичем, которые рождали новые мысли и новые научные установки, не нашедшие потом почему-либо места в печати.

В беседах с сотрудниками Иван Петрович высказывал много интересных мыслей, которые рождались у него впервые. Часто это были внезапные вспышки его гениального ума, и тогда возникали перспективы исследований или давался тонкий анализ какого-либо нового факта, или, наконец, высказывались мучительные сомнения по поводу толкования экспериментальных данных.

Его мятущаяся мысль в исследовательской работе не всегда шла прямой дорогой к намеченной цели.

Ему свойственны были сомнения о высказанных им толкованиях физиологических процессов. Он часто бывал печален и искал разрешения своим внутренним конфликтам у «госпожи действительности». Это был в подлинном смысле слова живой человек с сильно бьющимся сердцем, с большими волнениями,

с недосыгаемыми взлетами творческой мысли. Вот почему нарисовать его образ в воспоминаниях одного человека едва ли возможно. Только коллективный труд его учеников может дать в какой-то степени четкую картину его творческого облика. В надежде на это я и ограничусь описанием отдельных эпизодов из моих встреч и бесед с Иваном Петровичем.

ЗНАКОМСТВО С И. П. ПАВЛОВЫМ

Я познакомился с Иваном Петровичем, будучи студентом первого курса. Приехав в Петроград молодым человеком с твердо сложившимся намерением «изучить мозг», я не представлял себе конкретных путей, по которым надо идти к этому изучению. Идея «изучить мозг» созрела у меня в г. Новочеркасске, где с работами Ивана Петровича меня познакомил его ученик Н. А. Попов, который был в то время профессором Новочеркасского педагогического института.

Приехав впервые в незнакомый мне Петроград, я не сразу нашел путь к Ивану Петровичу, начав работать в Институте мозга под руководством В. М. Бехтерева, что было для меня весьма полезным. Однако первая же лекция И. П. Павлова, прослушанная в Военно-медицинской академии, определила мой путь как физиолога-экспериментатора.

Экспансивная молодость не терпит промедления — и я решил тотчас поговорить с ним о научной работе. Смущало только его величие, тот ореол ученого, который он заслуженно приобрел. Как я к нему подойду? Что буду говорить?

Все его слушатели знают, как строго он обращался с ассистентами во время демонстрации лекционных опытов... А вдруг он холодно скажет: «Поучитесь, а потом приходите...» Я подготовил план разговора и решил все же пойти.

Выбрав удачный момент, после окончания лекции я постучал в дверь его кабинета. Ответа не было. От волнения у меня захватило дух, и я малодушно подумал: «Не пойти ли... в другой раз?» Но в это время за дверью послышался голос, и я вошел в кабинет. Вероятно, на моем лице был написан такой же испуг, как у охотника, случайно провалившегося в берлогу медведя, ибо Павлов сначала посмотрел на меня удивленно, а потом подчеркнуто ласково сказал: «Вы ко мне? Ну, говорите, говорите, что у вас есть».

Ободренный ласковым приемом, я стал излагать свою просьбу. Дело обернулось счастливо для меня. Расспросив, почему я за-

интересовался физиологией, он заключил: «Хорошо, хорошо. Начинайте ходить, присматривайтесь».

Как потом я узнал, в этом «присматривайтесь» и заключался первый этап приобщения к павловской школе.

Период «присматривания», который должны были проходить молодые люди, являлся одним из проявлений педагогической мудрости Павлова. Он позволял произвести естественный отбор людей, склонных к данному виду работы, и, таким образом, уменьшить возможность ошибки при выборе ими самими жизненного пути.

Павлов часто вспоминал замечательный случай из жизни его школы. Один из его начинающих сотрудников не мог никак понять всей сути условных рефлексов, не мог справиться с техникой их исследования и в результате получил позорную кличку «неудачника». Но когда он оставил условные рефлексы и занялся научными исследованиями в неврологии, то приобрел имя и создал собственную школу.

«Не всегда попадаешь в самый раз. Нужно долго пытаться, пока нападешь на то, к чему ты больше всего способен», — говорил И. П. Павлов по этому поводу.

Все житейские трудности, которые мне, студенту первого курса, в незнакомом городе приходилось преодолевать, сторицей окупались той исключительной атмосферой вдохновенного творчества, которая окружала Павлова.

Невозможно было сразу охватить весь тот огромный опыт, который уже проделала лаборатория Павлова на путях разработки проблемы высшей нервной деятельности.

В то время весь литературный материал по условным рефлексам был представлен только в диссертациях, вышедших из лаборатории Павлова. Необходимо было их усвоить. Иван Петрович вводил молодых ученых в свое дело так, что они должны были сами осваиваться с лабораторной обстановкой, добиваться понимания всего того, чем жила лаборатория сегодня.

Уже при первой встрече Иван Петрович сказал: «Конечно, вам придется все перечитать, что сделано нами раньше. Надо хорошо подготовиться, чтобы вести работу по научной теме».

Правой рукой Ивана Петровича на кафедре физиологии Военно-медицинской академии тогда был старший ассистент Г. В. Фольборт. К нему он мне и рекомендовал обратиться за литературой. Ознакомить же меня с методикой условных рефлексов он поручил Ю. П. Фролову. Георгий Владимирович принял меня приветливо, дал ряд ценных советов, как начинающему работать в лаборатории, но при этом сказал, что полного комплекта диссер-

таций ни у кого из сотрудников нет. Он имеется только в лаборатории, им дорожат, и потому им можно воспользоваться только здесь.

Диссертации были переплетены по годам и составляли шеренгу книг, занимавших весь стол. Так как я располагал только вечерами, пришлось устроиться в лаборатории на ночевки и приступить к изучению азов науки.

В то время лаборатория Военно-медицинской академии жила довольно интенсивной жизнью. И. П. Павлов окружен был небольшим количеством сотрудников и, следовательно, был доступен для повседневных разговоров. Именно здесь зародились знаменитые павловские «среды». Мы собирались тогда в одной из больших комнат лаборатории. В трудных условиях лабораторной жизни, в небольшом кругу сотрудников Иван Петрович восторженно сообщал о последних опытах лаборатории Института экспериментальной медицины или подвергал тщательному разбору каждую цифру протоколов здешних сотрудников.

Через несколько месяцев Иван Петрович, обращаясь ко мне, сказал: «Собственно говоря, вам уже пора заняться делом. Надо работать на определенную тему. Подготовлена ли ваша собака?»

Я ответил, что фон достаточно устойчив и можно приступать к экспериментам. Мне было поручена тема, которую впоследствии Иван Петрович назвал «рефлексом новизны».

Так кончился для меня этот неизбежный период «присматривания», который длился несколько месяцев.

Еще и сейчас, когда я сам знакомлюсь с молодыми людьми, приходящими ко мне в качестве сотрудников, все больше и больше убеждаюсь, насколько мудрым был такой порядок в павловской лаборатории. Он гарантировал Ивана Петровича от случайностей и позволял ему в подборе школы останавливаться на людях, которые были готовы служить науке и искренно отдавали ей все свои побуждения.

ВСЕ ДЕЛО ВЕДЬ В ФАКТАХ. ФАКТЫ — ЭТО ВОЗДУХ УЧЕНОГО

Интерес Ивана Петровича к научно-исследовательской работе и к фактам, получаемым каким-либо сотрудником, совершенно отодвигал на задний план все остальные соображения — ранг сотрудника, его лабораторный стаж и т. д.

Мысль такого величайшего руководителя, как И. П. Павлов, одновременно возглавлявшего десятки научных работ, имела

свои органические законы развития. Не покидая предмета в целом, она быстро перелетала от одного эксперимента к другому, все более обогащаясь, приобретая все бóльшую четкость, но никогда не застывая в узких рамках какой-то отдельной темы.

Мы часто могли наблюдать эту почти внезапную для внешнего наблюдателя перемену интереса Ивана Петровича то к одному, то к другому эксперименту. Мы не ревновали друг друга к этому вниманию, и каждый из нас терпеливо вкладывал свою долю в общее дело.

Мы хорошо знали, что результаты эксперимента для Ивана Петровича значат больше всего. Они заслоняли на время все остальные качества исследователя. И поэтому никому из нас не приходило в голову обижаться, когда, обращаясь к кому-либо из нас, Иван Петрович восторженно заявлял: «Ваш пес прекрасно работает». Мы умели читать в этих словах некоторую похвалу и самому сотруднику.

В этом очерке я хочу рассказать об одном из таких эпизодов, когда и «мой пес» хорошо работал...

Я вел тему, порученную мне И. П. Павловым, посвященную изучению баланса между торможением и возбуждением. В 1925 г. этот вопрос являлся для Ивана Петровича центральным. Он на все лады варьировал его в отдельных экспериментах своих многочисленных работников. Вышло так, что в моих опытах он увидел одну из существенных сторон баланса, которую он давно хотел уловить. Иван Петрович настойчиво впивался в каждую цифру протоколов, ища решающего ответа.

Наступил момент окончания работы в лаборатории. Верный своему строгому расписанию, Иван Петрович должен был уехать на свою дачу в Финляндию. Я хорошо видел, как ему не хотелось прерывать эксперименты, которые вот-вот должны дать решающий ответ. Я понял его колебания и предложил отказаться от своих каникул и продолжать ставить эксперименты. Иван Петрович радостно согласился на это, и мы условились, что каждую неделю я буду направлять ему в Финляндию копии протоколов своих работ.

Письма, которые он писал в ответ на эти протоколы, весьма поучительны. Они были полны четких и строгих указаний руководителя. Они содержат много такого, что для меня, тогда еще студента медицинского учебного заведения, составляло в подлинном смысле основу моего дальнейшего поведения в науке.

Вот одно из этих писем от 19 августа 1925 г.: «Многоуважаемый Петр Кузьмич! Приведенный опыт со светом (7.VIII) неудовлетворителен. Надо попробовать два раза в опыте свет, от-

ставленный на 30 сек, и отметить слюноотделение по 10 сек. Со звонком можно подождать. Одно кормление хорошо попробовать еще раз теперь. В статьях опишите все опыты. Значит, и с условным тормозом. Все дело ведь в фактах, а не в объяснениях. Искренно преданный Вам Ив. Павлов». Надо представить себе на минуту переживания молодого студента, эксперименты которого приобрели для любимого учителя определенный интерес. Конечно, ни о каком летнем отдыхе и речи быть не могло. Я с невероятным упорством продолжал ставить эксперименты, пока они не привели к ясному решению поставленного вопроса.

БЕСЕДА О НАУЧНОЙ ФАНТАЗИИ

Известно, что Иван Петрович любил ходить в свои лаборатории пешком и совершал эти прогулки, не стесняясь сравнительно большими расстояниями. В последние годы своей жизни этот большой маршрут он проделывал уже в машине, подаренной ему Ленинградским советом. Однако в Институт Академии наук СССР, находящийся на Тучковой набережной, он ходил пешком до самых последних дней своей жизни.

Мы, все сотрудники лаборатории, несли до некоторой степени «негласный надзор» за ним во время его прогулок от лаборатории до дома. Естественно, мы не хотели, чтобы с ним произошла какая-либо случайность, подобная той, которая в 1916 г. сделала его хромым на всю жизнь. Обычно мы сопровождали его от лаборатории до дома по негласному расписанию. Каждый из нас, конечно, был бесконечно рад провести эти несколько минут в обществе Ивана Петровича, ибо всегда извлекал из этого что-то весьма поучительное.

Был легкий январский морозец. Шел снежок, запорошивший утрамбованные дорожки. Обстановка была явно опасной для пешеходов. Честь сопровождать Ивана Петровича после окончания лабораторной беседы на этот раз выпала на мою долю. Выйдя на улицу, мы продолжали разговор о письме, полученном Иваном Петровичем от одного из его бывших учеников, работавшего на периферии. Разговор незаметно перешел на характеристику этого сотрудника, а потом и на весьма поучительные рассуждения Ивана Петровича о научной работе каждого из его бывших учеников.

Я спросил его: «Почему бы вам, Иван Петрович, не написать воспоминания об этих работах, об их отношении к лаборатории.

Ведь это же вся русская физиология. Такая книга очень необходима».

«Ну что вы? Где же сейчас этим заниматься? — ответил он с некоторой ноткой сожаления в голосе, а потом, помолчав немного, добавил: — А нужно было бы, нужно. Такое обилие характеров, талантов, склонностей. Но представьте себе, все это, очевидно, повторяется. Теперь я все чаще и чаще стал узнавать в новом работнике кого-нибудь из прежних. Именно поэтому, вероятно, мне стало так легко предсказать, что из него выйдет».

Он начал перебирать своих бывших учеников, стал вспоминать некоторые эпизоды, характеризующие их, и я увидел, что ничто не проходило мимо внимания нашего великого учителя. Любая черта человека: терпение, неосторожность, скромность, образованность, способность к искусствам, к технике — все это складывалось в его памяти в исчерпывающую оценку ученика и определяло для учителя его пригодность или непригодность к научной работе.

Разговор дальше перешел к книге крупнейшего американского невролога Херрика; она была написана на «свободную тему» и называлась «Думающая машина».

Павлов стал говорить об огромном значении таких книг, если они только пишутся крупнейшими учеными, посвятившими всю свою жизнь научно-исследовательской работе.

«Я давно уже мечтаю написать такую книгу, и если только будет когда-нибудь достаток времени, обязательно напишу. Посудите сами, всю свою жизнь ученый, если он только хочет быть строгим ученым, должен взвешивать каждое свое слово, должен немедленно подтверждать его фактами, доказательствами. Он не имеет права, если не хочет потерять свою репутацию ученого, говорить о еще недоказанных им догадках. Но исчерпывается ли этим все внутреннее содержание ученого? Не погибает ли вместе с ним очень часто его богатая интуиция, догадки, далеко идущие соображения? Мне кажется, что наука очень много приобрела бы от того, если бы каждый ученый, много лет поработавший над установлением точных знаний, в конце своей жизни уделил внимание и этим еще не обоснованным соображениям. Важно лишь при этом то, чтобы эта научная фантазия не отрывалась от действительности, чтобы она была в постоянной связи с этой действительностью».

Он много еще говорил о необходимости такой книги, указывая на ряд примеров, в частности, на автобиографию Фарадея, которую он любил цитировать в разговорах с учениками.

Такие книги на «свободную тему» довольно широко распространены у западных ученых. Можно указать, например, на Кеннона, Джедсби, Херрика, Шеррингтона и др. В России И. М. Сеченов написал знаменитые «Автобиографические записки».

В этой «лебединой песне» ученые, уже отошедшие от конкретной научной работы, широкими мазками наносят перспективы разработки своей науки, высказывают интуитивные ожидания и т. д.

Но что такое интуиция и научная фантазия ученого, отдавшего более шестидесяти лет своей жизни научному творчеству и объединившего в себе несколько эпох научного мышления?

Это драгоценный клад страны, который большей частью закапывается вместе с ученым без надежды когда-либо его использовать.

У Ивана Петровича не нашлось «достатка времени», ему не удалось написать ни книги на «свободную тему», ни научной автобиографии. Полный напряженных творческих исканий до последних дней своей жизни, он боялся потратить свое время на что-либо другое. Он не дожил до того момента, когда ученый отрывается от лаборатории, теряет то творческое горение, которое незримыми нитями сплавляет его внутренний мир с жизнью лаборатории. Оставаясь юным всю жизнь, он так и не дождался того досуга, когда ему можно было бы открыто пофантазировать на научные темы.

НАУКА ВЫШЕ ВСЕГО

Одной из характерных черт Ивана Петровича как исследователя являлось увлечение научным анализом собственных ощущений, здоровья и явлений, происходящих в его собственном теле. Он находил возможность анализировать любое свое переживание, и чем острее и опаснее оно было, тем с большим упорством и настойчивостью он пытался понять его механизмы.

Известно, что в самые ответственные моменты своей жизни, как, например, во время операции на желчных путях, он непрерывно вел за собой наблюдения, подвергая тщательному анализу как субъективные ощущения, так и различные внешние проявления физиологии своего организма. И даже за несколько часов до смерти он внимательно обсуждал свои собственные переживания, состояние своих корковых клеток, угадывал стадии болезни.

Он глубоко верил в то, что для каждого из нас собственный организм представляет собой богатейший источник для научного анализа, для постановки задач будущих научных исследований.

Такие же требования он предъявлял и к своим ученикам. Не могу поэтому не рассказать об одной из самых волнующих встреч с Иваном Петровичем, которая произошла после того, как я стал профессором Нижегородского медицинского института.

В 1931 г. в Травматологическом институте в Ленинграде мне предстояла серьезная операция. Ее должен был производить проф. Р. Р. Вреден. Приехав в Ленинград, я прежде всего зашел к Ивану Петровичу и рассказал ему о предстоящей операции, которая не обещала ничего хорошего. Иван Петрович долго спрашивал меня о заболевании, как оно было замечено, какие его симптомы были прежде всего обнаружены, и выражал искреннюю печаль по поводу постигшей меня неприятности.

Но когда он узнал, что операция будет делаться под общим наркозом, в его глазах вдруг зажглись всем известные огоньки творческого подъема. Надо отметить, что в это время он очень интересовался так называемой «наркотической фазой» в развитии тормозных процессов.

Сразу же посыпались советы и предложения, как использовать предстоящее погружение в общий наркоз. Он весь как-то преобразился и с огромным оживлением стал говорить на эту тему: «Очень жалею, что мне самому этого не пришлось заметить. Так, пожалуйста же, Петр Кузьмич, постарайтесь вдуматься и заметить то, что вы будете ощущать: как будет наступать наркоз, что будет с субъективными ощущениями, как будут действовать внешние раздражители?»

И, странное дело, этот разговор так увлек нас обоих, что и сам я, забыв о предстоящей операции, с большим увлечением стал обсуждать с ним возможные механизмы развития фазовых состояний коры головного мозга при погружении в наркоз. Мы проговорили с ним больше часа, и я вдруг почувствовал, что именно этот разговор, полный пафоса научных исканий, оказал на меня незабываемое целебное влияние. Мне пришлось много слышать в это время всякого рода утешений и товарищеских советов, однако ни одно из них не повлияло на меня так благотворно, как эта «инструкция» проверить физиологические свойства ультрапарадоксальной и наркотической фазы на себе.

Я почувствовал в себе бодрость и силу, которые мне были так необходимы перед тяжелой операцией. И, действительно, я шел на операцию с твердым намерением не пропустить ни одной осо-

бенности постепенного засыпания и не забыть всего пережитого после пробуждения. Последующее показало, что и на самом деле из этого неприятного случая можно было почерпнуть кое-что полезное для науки.

Когда, вопреки предсказаниям, операция оказалась удачной и я, выйдя из клиники, зашел к Ивану Петровичу поделиться с ним всем происшедшим, то он, проявив большую радость, выслушал мой рассказ о последних моментах субъективных ощущений, предшествующих полному засыпанию.

Говоря о высоком искусстве проф. Р. Р. Вредена, Иван Петрович сказал мне: «Вы должны всю жизнь почитать его. Он ваш второй отец, и первая ваша книга должна быть посвящена ему».

Я понимал, конечно, огромное значение в моей жизни Р. Р. Вредена, целиком был согласен с Иваном Петровичем и потому посвятил его памяти первый же сборник трудов лаборатории по «Проблеме центра и периферии в нервной деятельности».

ПЕРВЫЕ ПЛОДЫ «ОТСАДКОВ» ВОЗВРАЩАЮТСЯ САДОВНИКУ

Будучи страстным садоводом, Иван Петрович называл своих учеников, вышедших на самостоятельную дорогу, «отсадками». Монолитность школы И. П. Павлова особенно сказывалась в том, что каждый из этих «отсадков», в какой бы степени он ни был самостоятельным, какие бы научные исследования он ни проводил, непременно ездил к своему учителю делиться своими успехами, неудачами и сомнениями.

Когда в 1930 г. моя лаборатория ввела наряду с секреторными также и двигательный показатель условных реакций, создав своеобразные условия активного выбора собакой одной из сторон станка, то первые же результаты работ по этой секреторно-двигательной методике дали нам повод выдвинуть целый ряд соображений об основных механизмах высшей нервной деятельности. Следует отметить, что отдельные факты вступали в некоторое противоречие с общепринятыми толкованиями основных процессов в коре, например коркового торможения. Одновременный анализ двух показателей условной реакции расширил возможности учета и оценки таких форм деятельности, которые раньше не могли быть схвачены. После нескольких консультаций Иван Петрович очень заинтересовался всем ходом дела и попросил меня приехать для доклада на одну из «сред». Должен искренне сознаться, что я готовился к докладу с большим волне-

нием. Ученик должен был оправдать надежды учителя и продолжать развивать его дело.

Я сообщил о всех полученных у нас фактах и специально подчеркнул те из них, которые давали нам основание по-иному подойти к устоявшимся взглядам на отдельные механизмы условной реакции. В своем заключении Иван Петрович много говорил о том, что его «отсадки» должны развивать дело вглубь и вширь. Он высоко ценил возможности анализа двигательного показателя, при обязательном одновременном учете секреторной реакции, и предложил мне как можно чаще информировать его о ходе нашего дела. В данном случае Иван Петрович проявил те высокие качества своей творческой личности, которые всегда помогали ему внимательно присматриваться ко всякому новому научному факту. Он не отнесся скептически к нашим взглядам о соотношении условного и безусловного рефлексов и о локализации коркового торможения. Наоборот, он серьезно задумался над доложенными ему фактами и только в раздумье сказал: «Все это требует очень серьезного продумывания».

Естественно, что для меня и моих сотрудников интерес Павлова к нашим экспериментам был сильнейшим стимулом для дальнейшей работы.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДОЛЖЕН ПОБОЛЬШЕ СОМНЕВАТЬСЯ В СЕБЕ

В связи с 85-летним юбилеем И. П. Павлова один московский журнал заказал мне статью о характеристике творческих приемов Ивана Петровича Павлова. Задача была весьма трудная, и потому, будучи в Ленинграде, я просил Ивана Петровича просмотреть мою рукопись. Когда она была закончена, я направил ее в Ленинград и получил ответ, который является особенно характерным для высоких требований Павлова к исследователю. В этом письме Иван Петрович писал: «Дорогой Петр Кузьмич! Большое спасибо за присылку того, что обещали. Сколько помнится, все приемы моей работы вы перечислили, только уж очень переусердствовали в описании их. Хорошо бы прибавить, чтобы исследователь побольше сомневался в себе: не ошибся ли, утверждая что?! От предисловия отказываюсь; очень сейчас занят редактированием страшного залежа работ всей нашей компании. Зачем переводить речь Шеррингтона? Нового в ней почти ничего нет, кроме нелепой выходки, что ум наш, может быть, не имеет отношения к нашему мозгу. Докладчиком о на-

шей деятельности и ее перспективах считаю более подходящим Н. А. Подкопаева. Всяческих успехов по нашей части! И. Павлов».

В этом письме он специально подчеркнул, что сомнение в полученных результатах должно быть одним из ведущих качеств исследователя. Только при этом условии можно избежать предвзятости и ошибки в оценке полученных результатов.

В этом же письме имеется и его замечание по поводу только что вышедшей в Англии из печати речи Шеррингтона под заглавием «Мозг и его механизмы». В числе предназначенных для перевода на русский монографий в серии «Новейшие достижения биологии» стояла и речь Шеррингтона. У меня как редактора этих изданий возникло сомнение по поводу ряда, с моей точки зрения, неприемлемых положений о работе мозга, высказанных Шеррингтоном. Я решил посоветоваться с И. П. Павловым и получил от него ответ, который является, пожалуй, одним из самых ярких выражений его последовательно материалистических взглядов на психическую деятельность. Он не мыслил себе никакого «остатка» даже в самых высших процессах мозга, который не имел бы отношения к функциям человеческого мозга.

В этом письме есть упоминание о ближайшем помощнике И. П. Павлова — Николае Александровиче Подкопаеве. Происхождение этого замечания таково. В 1935 г. в Москве мы организовали по ВИЭМу Всесоюзную конференцию по физиологии высшей нервной деятельности. Я попросил Ивана Петровича выступить с докладом о состоянии школы и ее перспективах. Вначале он было согласился, но потом, сославшись на здоровье, отказался от поездки в Москву. Возник вопрос: кто может дать адекватный очерк работы всей школы? Было несколько человек, которые претендовали на это почетное поручение.

Так как все претенденты были моими сотоварищами, то я не решился сам сделать предложение кому-либо из них и, естественно, просил решить это самого И. П. Павлова. Иван Петрович считал наилучшим докладчиком Н. А. Подкопаева.

ОТНОШЕНИЕ И. П. ПАВЛОВА К СОТРУДНИКАМ

В некоторых кругах ученых существует ошибочное представление об отношении И. П. Павлова к сотрудникам его лаборатории — членам коммунистической партии. Приходится слышать иногда, что он относился к ним как-то особенно строго, придирчиво.

Мне не раз приходилось слышать по этому поводу мнение самого Ивана Петровича, видеть и даже испытать его действительное отношение к этому вопросу, и потому я считаю необходимым высказать свое мнение по этому поводу.

В 1929 г. ко мне в Ленинград приехал П. К. Денисов — ученик Н. А. Попова; последний в это время работал заведующим физиологическим сектором Всесоюзного ветеринарного института в Кузьминках под Москвой.

Петр Константинович Денисов настойчиво желал и мечтал работать в лаборатории И. П. Павлова. Собственно в этом и состояла цель его прихода ко мне: не могу ли я, пользуясь расположением Павлова, посодействовать ему попасть в лабораторию Ивана Петровича в качестве сотрудника.

Н. А. Попова и П. К. Денисова смущало то обстоятельство, что Денисов был членом коммунистической партии. Наслышавшись о некоторых выступлениях И. П. Павлова по «общим вопросам» Советского государства, они боялись, что Павлов отрицательно отнесется и к приему Денисова в лабораторию. Я не разделял этих опасений, так как я видел его хорошее отношение к Л. Н. Федорову, Ф. П. Майорову, Н. Н. Никитину и другим коммунистам лаборатории, и потому взялся представить Денисова И. П. Павлову и просить о приеме его в лабораторию.

Мы условились встретиться в Физиологическом институте Академии наук в определенный час, когда там обычно бывал И. П. Павлов.

Воспользовавшись перерывом между опытами у В. В. Рикмана, где обычно сидел Иван Петрович, я извлек П. К. Денисова из «засады» и представил его Ивану Петровичу. Я описал, как он страстно желает работать в лаборатории условных рефлексов. Павлов подробно расспросил, чем он занимался ранее у Н. А. Попова, способен ли «вытерпеть» довольно трудную работу с условными рефлексами и т. д.

В разговоре я счел долгом сказать Ивану Петровичу, что П. К. Денисов является членом коммунистической партии. Иван Петрович как-то вскользь ответил, что ему это неважно. «Важна ведь любовь к делу и настойчивость в работе». Денисов был принят в лабораторию, и, как знают все сотрудники, с этого момента начались работы И. П. Павлова с человекообразными обезьянами, так как известно, что знаменитых Розу и Рафаэля привез из Парижа именно Денисов.

Другой случай, в котором отразилось отношение И. П. Павлова к сотрудникам-коммунистам, был также демонстративным. Речь идет о А. Т. Долинской. Она была моей аспиранткой по

кафедре физиологии Горьковского медицинского института. К концу аспирантуры (1933) она заявила мне, что очень хотела бы поработать в лаборатории И. П. Павлова. Она была партийным активистом Горьковского медицинского института, но, зная, что Ивана Петровича это не смущает, я решил рекомендовать и А. Т. Долинскую. В одну из моих поездок в Ленинград со мной вместе поехала туда и А. Т. Долинская. Мы пришли в лабораторию Физиологического института, и я представил ее Павлову. Иван Петрович задал ей несколько вопросов, поинтересовался, над какими проблемами физиологии она работала у меня, как она будет жить в Ленинграде и т. д. При этом он ни одного слова не проронил о ее партийности, хотя был об этом информирован мной при представлении, и дал согласие на ее прием. Эта терпимость к убеждению другого человека, пожалуй, лучше всего выступила в одном из случаев, имевшем непосредственное отношение ко мне самому.

В ту пору я основательно изучал диалектический материализм. Поработав в лаборатории Ивана Петровича и окрепнув в своих физиологических знаниях, я решил испытать силы и попытаться дать диалектико-материалистический анализ проблеме психического с акцентом на роль для изучения этой проблемы условных рефлексов. Мои товарищи по лаборатории предупреждали меня, что это будет первой попыткой в школе И. П. Павлова выйти на «диалектическую дорогу» и неизвестно еще, как это все повернется. Все же я решил такую работу опубликовать в весьма распространенном в то время научно-популярном журнале «Человек и природа».

Статья была написана и сдана в печать в 1924 г., причем редактор принял ее поистине с «распростертыми объятиями».

Статью я назвал «Диалектический материализм и вопросы психического».

Однако вскоре я узнал, что одним из сотрудников лаборатории эта статья была доставлена Ивану Петровичу. Вера Ивановна Павлова, с которой я был в хороших отношениях, как-то передала мне: «Отец был очень сердит, читая вашу статью».

Я ждал разрядки ситуации, легко было представить себе мое состояние. И вот этот день наступил. После ознакомления с протоколами моих опытов Иван Петрович предупредил, что он будет у меня на опыте. Это было обычным явлением для всех сотрудников. Но мое напряженное состояние подсказало мне, что вот здесь-то все и начнется.

В самом деле, он сразу же начал разговор на волновавшую меня тему: «Вот что, Петр Кузьмич, я никогда не препятствовал

никаким и ничьим убеждениям... Вы хотите думать по диалектическому материализму, дело ваше, я вам не препятствую в этом. Но условные рефлексy к этому не притягивайте. Этого я не хочу».

Этот разговор не изменил наших отношений в повседневной работе, и это лишнее доказательство широты и благородства натуры нашего учителя. Но из статьи мне все же пришлось изъять раздел, посвященный условным рефлексам. Так она и вышла несколько неоконченной, поскольку переделывать конец статьи времени уже не было.

То, что мои взгляды никак не отразились впоследствии на наших отношениях, является лишним доказательством понимания и терпимости Ивана Петровича к чужим убеждениям и является коренной чертой его огромной души русского человека — хранителя благородных традиций 60-х гг.

<1966>

